

Костыли

Я ехал из Загорска в Переславль-Залесский. Накануне знакомый рыбак прислал мне телеграмму о том, что на озере Плещееве «пошла чернуха». Боясь пропустить клёв, я прибыл в Загорск ночным поездом. Автобус, в который я пересел, был не рейсовый, а какой-то шальной: небольшая жестяная коробка с капотом нараспашку, стёртыми шинами и хмурым, заспанным шофёром. Когда я спросил его: верно ли, что автобус идёт в Переславль, шофёр высморкался мимо меня на дорогу и обиженно проговорил:

— Факт, не в Сочи!

— Да уж какие там Сочи!..

— Надо бы, и до Сочей добрались! — ещё более обиженным голосом сказал шофёр.

Как показала последующая дорога, порядком разбитая, с многочисленными объездами, наша дребезжащая жестянка, ведомая этим хмурым человеком, могла бы добраться не только до Сочи, но и до края света.

Пассажиров, несмотря на глухой, ночной час, набралось порядком: какие-то женщины с толстыми, ватными боками, похожие на молочниц, но без бидонов; рыболовы в жёстких брезентовых плащах и резиновых сапогах, — среди них знакомый мне по прежним рыбалкам статный усач, которого все плещеевские рыбаки зовут «Дедом»; местные работники с тощими портфелями или полевыми сумками и много другого люда.

Ещё Гоголь сказал: «И какой же русский не любит быстрой езды?» С тех пор изменились способы передвижения, куда быстрее стала езда и куда как возросла любовь к перемене мест. Много у нас ездит по стране делового народа: всякого рода командировочных — заготовителей, партийных, советских и комсомольских работников, геологов, строителей, учащихся, журналистов, актёров, ездят туристы и отдыхающие. Но ещё больше ездит народа, придумывающего себе цель поездки, а на самом деле кинутого в дорогу избытком душевной бодрости, заманчивой возможностью повидать людей и себя показать...

Эти мысли приходили мне в голову, пока я сидел в стылом и тёмном автобусе, дожидаясь отправки. Автобус был уже битком набит, а хмурый шофёр впускал всё новых и новых пассажиров. Казалось чудом, что вновь прибывшие где-то пристраиваются: все скамейки были давно заняты, проходы забиты, но втискивался новый пассажир и тут же находил себе место. Нельзя было не удивляться такому наплыву желающих ехать в Переславль. Поездка была ночная, день воскресный, автобус случайный, а конечная станция — не бог весть какой центр!..

Наконец, хмурый шофёр собрал с нас трёшки и пятёрки, и мы тронулись. Но не успели мы выехать за черту городка, как автобус остановился, сильно встряхнув свою человечью начинку, и с шумом, через переднюю площадку ввалились новые пассажиры.

— А ну, дай дорогу инвалиду Отечественной войны!.. — раздался в кромешной темноте, — автобус не освещался, — хмельной, задиристый тенорок. — Подвинься, тебе говорят!..

— Не шуми, Аника-воин! — успокаивающе прозвучал грудной, спокойный женский голос. — Отдыхают же люди!

— А мне что?.. Подвинься, слышь! Чего в проходе разлэгся? — продолжал разоряться мужчина.

Пассажиры, которых он расталкивал, прокладывая путь себе и своей спутнице, громко выражали возмущение:

— Ослеп, что ль?.. Чего на живых людей прёшь?

— Беда с этими инвалидами!
— Война вон когда кончилась, а некоторые знай хулиганичают!..
— Есть такие, что и совести нет! — знакомо пробасил дед.
— Поговори ещё! — огрызнулся вошедший. — Как огрею костылём, будешь знать!
— Видали мы таких огрельщиков! Ссадим с машины — и весь сказ!
— Меня ссадишь? Руки короткие. Ты обязан место уступить, коль женщина на сносях!
— Да нешто разберёшь тут, кто на сносях, а кто нет, — смущённо пробормотал дед. — Сказал бы сразу...

— Не беспокойтесь, товарищи, — произнесла женщина своим грудным полным голосом.
— То есть, как это не беспокоиться?! — снова вскинулся её муж.
— Молчи, Семён, замри! — с неожиданной властностью приказала женщина.
— Садитесь, гражданка, — вежливо сказал дед, а потом добавил, обращаясь, видимо, к её мужу. — Жену благодари, а то бы я не посмотрел.

Вновь прибывшие наконец-то уселись, и автобус двинулся дальше. Но и добившись своего, Семён продолжал куражиться.

— Ты место получила? — приставал он к жене. — Получила. Ну и всё!.. Я т-тебя оберегаю, что б ты мне дочку принесла. Понятно? Что б была мне дочка и никаких!..

— Будет, будет тебе дочка, угомонись...

Короткая тишина, и совсем другим, жалобным, беспомощным голосом Семён проговорил:

— Худо мне... Голова трещит...

— Ничего, пройдёт... Ложи голову сюда. Вот так. Спи, родной!.. — чем-то бесконечно милым, женственным и материнским повеяло от этих слов, и, мне кажется, в эту минуту пассажиры примирились с её мужем.

— Что б была мне дочка!.. — ещё раз пробормотал Семён и затих.

— Чего это ваш супруг дочку требует? — обратилась к женщине соседка. — Обычно мужчины мальчиков ждут.

— Ему тоже пацана хочется, — в голосе женщины слышалась улыбка. — Да ведь не закажешь... Он нарочно о дочке шумит, чтоб я не расстраивалась, коль не сработаю ему сына.

— Говорят, чей в семье верх, то и родится.

— Это как понять?

— Коль жена голова — девочка, коль муж — мальчик.

— Вот тут и пойми: быть Семёну с наследником, иль с наследницей, — засмеялась женщина.

— Гулевой? — осторожно спросила соседка.

— Какой там! Он при машине состоит, им пить не положено. Да и неприученный он к вину. Вот выпил на копейку, шумит на рубль... Мы к его родителям на годовщину свадьбы ездили, ну, и принял он стопочку за их здоровье... А потом очень он за меня переживает, — сказала женщина с нежностью. — Всё ему в обиду кажется. Самолюбия, пыли много... Ничего, станет отцом — утишится.

— С инвалидом, известно, житье — не малина, — встряла какая-то старушка.

— Отчего же? — почти надменно сказала женщина. — Мы вот живём, и дай бог всем бы так жить.

— Да разве я что говорю?.. — замельтешила старушка. — Живите, милые!..

— И проживём! — чуть смягчила голос женщина.

Незаметно за окнами рассвело, и сбитая в плотный, тёмный ком человечья масса расплоилась на отдельные фигуры. Постепенно в тускло-сереньком, досолнечном свете обрисовались и бледные лица спящих и бодрствующих людей. Я увидел простое, широкое лицо беременной женщины, её пепельно-русые, будто увядшие, волосы, серые тёплые глаза. На груди у неё покоилась голова мужа — он был довольно красив, тонок чертами, с пухлым, мальчишеским ртом, и по виду моложе жены. Прислонённые к окну, стояли костыли. Я посмотрел на костыли, на влажный, мальчишеский рот спящего Семёна и вдруг понял, что этот парень по годам не мог быть участником Отечественной войны. С неприятным чувством я отвернулся к окну...

На всём пути шоссе было перерезано ремонтными участками. Только прикорнёшь на минутку, а впереди, вместо прямого, глянцевого-синего шоссе, убегающего прямо в небо, завиток раскисшего, колдобистого большака, сворачивающего за стенку елей, поляна в бородёнке прошлогодней травы, ноздреватый снег в мокрых западинах. Казалось, автобус всё время теряет шоссе и мучительно отыскивает его, петляя среди перелесков, лужаек, а порой и деревенских изб. Но всякий раз находил он верную дорогу, и после очередной тряски мы вновь выныривали на шоссе, обретая тишину и покой.

За окошками уже светилось утро. Над горизонтом поднялась золотая краюшка солнца, и впереди, чуть слева, возникло озеро.

Солнечные лучи проникли в автобус, позолотив усталые лица моих поредевших спутников. Близ древней церкви, будто бы построенной Александром Невским, шофёр круто затормозил. Город был впереди, а влево, мимо знаменитого «Ботика», шла дорога на богатое рыбой Усолье. Рыболовы потянулись к выходу.

Проснулся и Семён. Он поднял голову; худое, мальчишеское лицо хранило выражение сонной и ещё хмельной обиды. Проведя рукавом по глазам, он зевнул, чихнул и, окончательно проснувшись, вскочил на ноги. За ним тяжело, придерживаясь за спинку сидения, поднялась жена. Её большой живот, распахнувший полы короткого мехового жакетика, подпирал тугую, сильную грудь. И почти плашмя на этой груди, гладко натянувшей голубенький ситец кофточки, лежала медаль «За отвагу» с замусоленной, потемневшей ленточкой. Женщина взяла костыли и двинулась к выходу.

Она поддержала мужа, когда он спускался по влажным ступенькам, а затем сошла сама. Они двинулись по широкой, весенней улице, в голубых лужах меж островками горящего, как драгоценные камни, булыжника, — она впереди, он за ней. Большие кисти её рук легко и крепко упирались в перекладины костылей. Юбка парусом билась вокруг культи и туго обтягивала полную, сильную правую ногу в шёлковом чулке и резиновом сапоге. И эта одинокая нога ступала так широко и твёрдо, что, казалось, костыли вовсе не нужны женщине.